

На правах рукописи

Семашко Ирина Михайловна

**Модерн и постмодерн как проекты европейской философии
(в работах Юргена Хабермаса и Жака Деррида)**

09.00.03 — История философии по философским наукам

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Саратов—2011

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный университет»

Научный руководитель доктор философских наук, профессор Пигалев Александр Иванович

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Мокин Борис Иванович, Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского

кандидат философских наук, доцент Ромащенко Александр Александрович, Саратовский государственный технический университет

Ведущая организация Воронежский государственный университет

Защита состоится «10» февраля 2012 года в 16:00 на заседании диссертационного совета Д 212.243.09 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, XII корпус, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Автореферат разослан «___» _____ 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Листвина Е.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена состоянием системного кризиса, затрагивающего не только философию или сферу гуманитарного знания, но и человеческое общество в целом. Скрытые внутри идеологических и философских установок современного западного сознания, западной истории идей причины современного кризисного состояния сформировались под знаком краха просвещенческого проекта и неустойчивого положения философской мысли (а также гуманитарной и социальной сферы в принципе) на распутье модерна/постмодерна.

Модерн и постмодерн в полной мере являются продуктами интеллектуальной истории «Запада» и знаменуют собой два ведущих философских проекта последних веков. Сложившаяся традиция обращает внимание прежде всего на конкурентный и даже враждебный характер отношений между модерном и постмодерном: согласно устоявшейся точке зрения, представители модерна и постмодерна выдвигают полярные цели и задачи, используют взаимоисключающие методы и инструменты для их достижения. Другим устойчивым философским представлением является уже ставшее традиционным ассоциирование проектов модерна и постмодерна с философскими системами и фигурами Юргена Хабермаса и Жака Деррида соответственно (столь же привычным для историко-философских исследований оказывается противопоставление философских проектов Ю. Хабермаса и Ж. Деррида). Историко-философское осмысление теории коммуникативных действий и деконструкции становится особенно актуальным в свете последних событий, спровоцировавших «примирение» крупнейших философов (после событий 11 сентября 2001 года в Америке и последовавшего объявления «войны терроризму») и создание совместного манифеста, направленного на объединение своих сторонников и воплощение единой программы действий, — программной статьи «Наше обновление после войны: второе рождение Европы», напечатанной 31 мая 2003 года на страницах «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и «Liberation».

Состоявшееся «примирение» позволяет призвать к пересмотру уже сложившейся историко-философской традиции противопоставления философских систем Ю. Хабермаса и Ж. Деррида: отныне их «симпатизирование» модернистскому или постмодернистскому проектам не считается достаточным основанием для подобной позиции. Более того, проведенное нами исследование позволяет установить «вписанность» Ю. Хабермаса и Ж. Деррида в единую историко-философскую традицию Современности (наличие общих историко-философских корней и преследование общих целей), а также поставить под вопрос сложившееся понимание революционного характера постмодерна.

Степень разработанности проблемы. О модерне написано большое количество историко-философских работ, начиная с анализа взглядов «первого модерниста» — Г. В. Ф. Гегеля — его продолжателями и толкователями: А. Кожевным, М. Вебером и философами Франкфуртской

школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймером, Г. Маркузе, В. Беньямином и, конечно, Ю. Хабермасом). Философии постмодерна также посвящено большое количество исследований как самих классиков данной философии (начиная с работы Ж.-Фр. Лиотара «Состояние постмодерна», продолжая трудами Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делёза, Ж. Деррида, Х. Ортеги-и-Гассета, Р. Рорти, У. Эко и др.), так и историков философии постмодернизма (например, Р. Аппиньянези, А. А. Грицанова, И.П.Ильина, А. Крокера, Н.Б.Маньковской, В.П.Руднева). Философскому анализу современности как постпросвещенческой эпохи посвящены труды Э. Доманска, Дж. Грея, Н. В. Мотрошиловой, Ф. Фукуямы.

Не меньшей популярностью в качестве тем для историко-философского исследования пользуются фигуры и философские системы Ю. Хабермаса и Ж. Деррида. К изучению жизни и творчества Ю. Хабермаса как представителя Франкфуртской школы, а затем независимого и оригинального мыслителя, обращались ученые всего мира: за прошедшие десятилетия ему посвящено огромное количество работ. Необходимо отметить труды его учеников и последователей по Франкфуртской школе (Р. Виггерхауза, Х. Йонаса, П. Коннертона, Ф. Слейтера, А. Хоннета); произведения зарубежных исследователей (С. Дж. Калуна, М. Морриса) и отечественных ученых (С.Е.Вершинина, А.В.Гайды, И. П. Фарман, В. Н. Фурса, В. Л. Шульца). Интерес к Ж. Деррида и его творчеству у историков философии ничуть не меньший: ему посвящены тысячи работ по всему миру. Среди этого многообразия стоит выделить труды Р. Брэдсворда, Л. Ниалл, К. Норриса, М. Райана, Р. Рорти, М. Спринкера, С. К. Уайта; а также исследования отечественных ученых (Н.С.Автономовой, В.В.Бибихина, А.А.Грицанова, Е. Н. Гурко, Д.Ю.Кралечкина, Д.А.Ольшанского).

В связи со сложившимся в последние десятилетия устойчивым представлением о «враждебном», взаимоисключающем характере концепций Ю. Хабермаса и Ж. Деррида по аналогии с контroversой модерна и постмодерна их сопоставление проводилось лишь под одним углом зрения — а именно, как комментирование критики Ю. Хабермасом творчества Ж. Деррида, представленной в работе Ю. Хабермаса «Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций» (Лекция VII). Однако после публикации в 2003 году совместной статьи Ю. Хабермаса и Ж. Деррида «Наше обновление после войны: второе рождение Европы», а также книги Дж. Боррадори «Философия во времена террора. Диалоги с Юргеном Хабермасом и Жаком Деррида» в осмыслении творчества виднейших философов современности происходит своеобразный переворот. Если раньше историки философии искали доказательства и причины различий философских систем Ю. Хабермаса и Ж. Деррида, то теперь поздние политические и социально-философские труды двух философов стали анализироваться на предмет общего, объединяющего то, что казалось ранее непримиримым. В этом ключе написаны статьи и рецензии С. Бенхабиб, Р. Бернштейна, Л. Корбетта, Д. Ю. Кралечкина, С. Критчли, Т. Лассе, М. Б. Матустика, М. Морриса, А. Пола, Р. Рорти, Н. Смита, Б. Хониг, А. де Хуп Шеффер и Дж. Чейза.

В предпринятом диссертационном исследовании мы предлагаем не останавливаться на сопоставлении поздних политических трудов, но пойти дальше (или глубже) и проанализировать творчество Ю. Хабермаса и Ж. Деррида на предмет сходных предпосылок и скрытых установок, позволивших двум этим философам в итоге прийти к единому мнению в вопросах о терроризме и будущем Европы, а также к общей программе действий по выходу из кризиса современности. Мы считаем, что данная (единая) антикризисная стратегия не была продиктована сиюминутными потребностями, но сформировалась довольно давно в качестве своеобразной эсхатологической стратегии, исподволь руководившей развитием философской концепции как одного, так и другого мыслителя. Таким образом, с историко-философской точки зрения модерн и постмодерн как конкурирующие проекты по описанию Современности оказываются просто альтернативными тактиками по реализации одной и той же антикризисной стратегии.

Объект исследования — корпус текстов Ю. Хабермаса и Ж. Деррида, посвященных модерну и постмодерну как проектам европейской философии.

Предмет исследования — историко-философские аспекты осмысления Ю. Хабермасом и Ж. Деррида проектов модерна и постмодерна.

Цель исследования — выявление идеологической составляющей как стратегий модерна и постмодерна, так и философских установок Ю. Хабермаса и Ж. Деррида, обусловивших общность их взглядов по вопросам будущего Европы и антикризисной программы действий.

Проблемы, решаемые в рамках диссертационного исследования, можно сформулировать в виде следующих **задач**:

— проанализировать процесс становления модерна и постмодерна как двух социокультурных проектов современного этапа европейской философской традиции;

— выявить историко-философские предпосылки основных финалистских стратегий Современности;

— провести текстологическое исследование ключевых работ Ю. Хабермаса и Ж. Деррида на предмет определения историко-философского контекста и позиций философов по отношению к модерну и постмодерну;

— реконструировать в историко-философской перспективе стратегии Ю. Хабермаса и Ж. Деррида по преодолению кризиса Современности и его последствий;

— критически проанализировать историко-философские предпосылки и прогностические возможности концепций модерна и постмодерна в качестве проектов европейской философии.

Методологические и теоретические основы исследования. Работа опирается на герменевтические процедуры анализа историко-философского материала. Также используются текстологический, компаративистский и

социокультурный подходы в их системной интерпретации. Базовыми методами исследования избраны анализ, сравнение, индукция и синтез. В качестве теоретических источников диссертационного исследования предполагается использовать работы Ю. Хабермаса и Ж. Деррида, художественные и философские произведения, подвергнутые анализу и критике в трудах Ю. Хабермаса и Ж. Деррида, а также современные зарубежные и отечественные исследования по данной проблематике.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Текстологически сопоставлены в историко-философском контексте особенности концепций модерна и постмодерна у Ю. Хабермаса и Ж. Деррида.

2. Произведена историко-философская реконструкция взглядов мыслителей на проблему кризиса модерна.

3. Выдвинута и подтверждена гипотеза о единстве подходов Ю. Хабермаса и Ж. Деррида к проблеме преодоления кризиса модерна.

4. На основе сравнительного историко-философского анализа концепций Хабермаса и Деррида выявлены общие для них принципы понимания проектов модерна и постмодерна.

5. На основе полученных результатов исследования сформулирована гипотеза интерпретирования модерна и постмодерна как альтернативных тактик по реализации общей эсхатологической стратегии развития западной цивилизации.

Основные результаты диссертационного исследования сформулированы в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. В историко-философской перспективе концепции Ю. Хабермаса и Ж. Деррида объединяет их совместное наследование просвещенческого духа, идей Гегеля и К. Маркса, а также трансформированного, обновленного воплощения кантианского космополитического проекта построения общества. Западная формальная демократия, интерпретируемая Ю. Хабермасом под знаком утопической модели коммуникативного общества, базируется на кантианском космополитическом проекте; к нему же отсылают гегелевская теория противоречий модерна и марксистское представление о системном кризисе. Ж. Деррида, уделяя большее внимание методам диалектики, подчеркивает свой безусловный статус наследника Просвещения и выстраивает свое видение утопического общества — «нового Интернационала» — посредством оригинального синтеза идей космополитизма И. Канта, гражданского общества Гегеля и интернационала К. Маркса.

2. В рамках диссертационного исследования отмечается, что традиционное для истории философии противопоставление Ю. Хабермаса и Ж. Деррида сложилось в результате: неоднократных заявлений о разности позиций самих философов; принадлежности Ю. Хабермаса и Ж. Деррида к различным политико-идеологическим направлениям («старым левым» и «новым левым» соответственно); ассоциирования фигур и философских систем Ю. Хабермаса и Ж. Деррида с ведущими конкурирующими

проектами Современности (модерном и постмодерном соответственно). Мы подчеркиваем всю ангажированность и некорректность абсолютизации подобных противопоставлений и обращаем внимание на единое понимание Ю. Хабермасом и Ж. Деррида проекта Просвещения (его истоков, роли и взаимосвязи с будущим состоянием человечества). Философские системы Ю. Хабермаса и Ж. Деррида выступают в качестве альтернативных тактик реализации одной и той же эсхатологической стратегии западной цивилизации — отсрочки или избегания кризиса.

3. Ю. Хабермас придерживается эсхатологической стратегии избегания или отсрочки кризиса, сформировавшейся под влиянием секуляризированной библейской (иудео-христианской) традиции, а также философий Гегеля, А. Кожева, К. Маркса, М. Вебера, идей Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймера). У Гегеля Ю. Хабермас заимствует концепции модерна и “конца Истории”, теорию признания и интеракции. От К. Маркса Ю. Хабермас воспринимает оптимистический эсхатологизм (милленаризм) гегелевской философии, переориентацию с рефлексивно познающего субъекта на субъекта действующего и производящего, выстраивание коммуникативной теории внутри философии практики, противопоставление культурного модерна (модернизма) и общественной модернизации под знаком кризисного процесса. К М. Веберу Ю. Хабермас обращается в контексте теории рационализма и автономизации науки, морали и искусства. У философов Франкфуртской школы Ю. Хабермас заимствует разработанную концепцию Просвещения, критику идеологии и ангажированное восприятие модерна.

4. Ж. Деррида придерживается эсхатологической стратегии избегания или отсрочки кризиса, сформировавшейся под влиянием платонической и иудейской традиции, апофатической теологии, философских концепций Гегеля, К. Маркса, З. Фрейда, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Э. Левинаса, К. Леви-Стросса. При разработке теории деконструкции и *différance* Ж. Деррида обращался к противопоставлению Платоном голоса-логоса и письма, а также к введенным им метафорам фармакона и хоры; к фигурам негативности иудаизма и апофатической теологии; к понятию восполнительности и теории происхождения языков Ж.-Ж. Руссо; к гегелевской идеологии «снятия» и *Aufhebung*; к ницшеанским принципам переоценки и переворачивания метафизических оппозиций; к концептам практики, призрачной логики, милленаризма и интернационала К. Маркса; к теориям значения и внутреннего сознания времени, а также фонологическому феноменологии Э. Гуссерля; к деконструкции и онтологическому различию М. Хайдеггера; к экономии смерти, дискурсу Другого под знаком письма, следа и разлуки, методам ускользания и откладывания у Э. Левинаса; к психоаналитическим проблемам письма, следов памяти, игры и обходного маневра или запаздывания у З. Фрейда; к истории безумия как археологии молчания и экономии письма, теории исторического катастрофизма у М. Фуко; к методу бриколажа и принципам децентрации К. Леви-Стросса.

5. Историко-философский анализ истоков проектов модерна и постмодерна выявляет их нацеленность на реализацию одной и той же стратегии выхода из кризиса, сформировавшейся в русле европейского историко-философского процесса. Наличие в концепциях Ю. Хабермаса и Ж. Деррида мощного пласта философских представлений, характерных для модерна, позволяет сформулировать гипотезу, которая ставит под вопрос способность постмодернистского проекта выступать в качестве реальной альтернативы модерна.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Предпринятое исследование механизмов реализации эсхатологических стратегий модерна и постмодерна (на примере философских систем Ю. Хабермаса и Ж. Деррида) позволяет глубже понять историко-философские предпосылки модернистского и постмодернистского проектов, причины и обстоятельства кризисного состояния Современности и возможных последствий принятого решения следовать выбранной стратегии. Полученные выводы и результаты могут служить основой дальнейших теоретических разработок в области философии модерна и постмодерна, критического переосмысления философского наследия Ю. Хабермаса и Ж. Деррида, а также оценки влияния данных проектов и философов на интеллектуальную и политическую среду.

Результаты исследования могут быть использованы для подготовки общих и специальных курсов по истории зарубежной философии, социальной философии, истории и теории культуры, политологии. Анализ ряда положений выявленной эсхатологической стратегии модерна и постмодерна может быть использован политиками и политологами, идеологами и философами в их обоснованиях политической, идеологической, интеллектуальной и иной трансформации современного общества.

Апробация работы. Основные положения и научные результаты исследования были подтверждены в публикациях и докладах на научных конференциях: Региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области (г. Волгоград, 2007, 2009, 2010 годы); Научной сессии Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, 2008, 2009, 2010, 2011 годы); Международной студенческой научной конференции «Философия и жизнь» в рамках Дней петербургской философии (г. Санкт-Петербург, 2008, 2010 годы); Межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы модернизации региона в исследованиях молодых ученых» (г. Волгоград, 2009, 2010, 2011 годы); Международном студенческом коллоквиуме «Современные теории моделирования социально-политических процессов и фактор коллективной памяти» в рамках X международного симпозиума «Диалог мировоззрений: коллективная социально-историческая память и вызовы современности» (г. Нижний Новгород, 27—29 мая 2009 года); I Всероссийской научной конференции «Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества» (г. Тюмень, 21 мая 2010 года); II Всероссийской научно-практической конференции

«Социальная онтология в структурах теоретического знания» (г. Ижевск, 28—29 мая 2010 года); Общероссийской молодежной конференции «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы» в рамках Дней петербургской философии (г. Санкт-Петербург, 20 ноября 2010 года); Всероссийской конференции по итогам Открытого конкурса работ студентов, курсантов, аспирантов, адъюнктов высших учебных заведений и молодых ученых по тематике «Наука и образование против террора» (г. Москва, 27 ноября 2010 года).

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры философии Волгоградского государственного университета. Основные положения диссертации изложены в 11 публикациях, общий объем которых составляет 4,2 п.л., в том числе в двух статьях в ведущих научных журналах, утвержденных перечнем **российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.**

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования, а также рамками заявленной темы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, двенадцати параграфов, заключения и списка используемой литературы на 170 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, освещается степень ее разработанности, формулируются цели и задачи исследования, указываются его теоретические и методологические основания, определяется научная новизна, показывается теоретическая и практическая значимость работы, представлены положения, выносимые на защиту, и результаты апробации исследования.

Первая глава «Премодерн — модерн — постмодерн: история концептов» посвящена истории формирования и становления основополагающей для западной философии трехчастной схемы Всемирной истории: «премодерн (традиция) — модерн — постмодерн». Мы разводим близкие понятия модерн/модернизм и постмодерн/постмодернизм, подразумевая под модернизмом и постмодернизмом — узкие стилистические или культурные течения, а под модерном и постмодерном — характерные для определенных этапов цивилизации исторические ситуации.

В **первом параграфе «Образы времени: концепции прошлого, настоящего и Всемирной истории»** исследуется формирование в западной (по преимуществу иудео-христианской) интеллектуальной истории различных образов времени, задающих рамки развития и осуществления проектов модерна и постмодерна. Мы уделяем большое внимание формированию периодизаций и хронологических систем в античной и христианской (в том числе и современной секулярной) культурах, механизмам синхронизации временных ритмов (от сопоставления эпонимов и усмотрения одновременности выбранных временных отрезков в рамках каждый раз создаваемой заново «относительной временной шкалы» до создания «абсолютной временной шкалы», представленной «всемирноисторическими» событиями). Важную роль для понимания идеологических коннотаций проектов модерна и постмодерна играют [апокалипсическая] эсхатология (религиозное учение о конце истории и конечной судьбе мира), впоследствии трансформировавшаяся в секулярную стратегию предсказания и предотвращения глобальных рисков и кризисов, а также концепция миллениаризма (хилиазма), содержащая желаемые представления о конечном этапе человеческого развития и часто используемая для конструирования социальных ожиданий.

Второй параграф «История становления модерна и проекта Просвещения» раскрывает хронологические рамки, изначальное смысловое пространство и современные значения термина «модерн», его основные характеристики. Неологизм *modernus* (от латинского слова *modo* — “недавно”, “только что”, “прямо сейчас”) появляется в VI веке и используется для обозначения современников, живущих в настоящее (“сейчасное”) время, в отличие от предшествовавших им людей, живших во времена *antiqui* (в классической и вечной в своем совершенстве античности). Модерн понимает *современность* как «вечное» настоящее, которое всегда находится в противостоянии со своим прошлым, со своими корнями и истоками (с традицией). В результате, начиная со Средних веков,

складывается ключевая особенность западной культуры: отсутствие единой традиции и концептуальная дискретность истории, когда каждое новое поколение отрицает все, что связывает его с предшественниками. Из этого перманентного, продуктивного диалектического антагонизма с уже минувшим западная (в том числе и историко-философская) традиция черпает силы для своего развития.

Рассмотренные этимология слова «модерн» и история концепции модерна позволяют сформулировать три значения модерна, используемые сегодня в научном и философском дискурсе и препятствующие формированию единого мнения в вопросе о том, когда началась и когда закончилась (и закончилась ли вообще) эпоха модерна. Во-первых, модерн рассматривается как широкое понятие Современности (modernity), охватывающее собой весь период нового, прежде всего *христианского*, времени, в противопоставлении более древней сакральной традиции (antiqui). Во-вторых, модерн выступает как синоним Нового времени (New age или Neuzeit), исторической эпохи после Античности и Средневековья. В-третьих, модерн определяется как своеобразная мировоззренческая установка, духовный проект Современности, особая «эпоха духа», или «эпоха Просвещения», которая противопоставляет себя предшествующим непросветленным эпохам и базируется на секуляризации, рационализации, либерализме, универсализме и концепции Всемирной истории (И. Кант, Гегель, А. Кожев, К. Маркс) с включением телеологических, мессианских, хилиастических и эсхатологических элементов.

В *третьем параграфе «Становление концепции постмодерна»* выявляются историко-философские предпосылки и этапы формирования постмодерна, проводится сопоставление постмодерна с философией постмодернизма (моделями Ж.-Фр. Лиотара и Р. Рорти), концепциями постиндустриального общества (Д. Белл) и постистории (Ж. Бодрийяр). В ходе исследования мы отмечаем три интерпретации постмодерна в зависимости от позиции, занимаемой исследователем по отношению к модерну. Во-первых, постмодерн — это глобальная историческая ситуация после модерна; определенная, исторически обусловленная мутация самого модерна, поскольку оказавшийся в ситуации внутреннего и внешнего кризиса проект Просвещения требует качественной трансформации, ре-адаптации к созданным им же самим условиям. Во-вторых, постмодерн — это уже не-модерн, это именно отрицание модерна (контрмодерн), которое начинается с критики его тоталитарной категоричности, а закончится восстанием против его сущностных основ — самого секулярного проекта. Таким образом, постмодерн — это неявная, но набирающая силу «консервативная революция» сакральной (христианской или языческой) традиции против секулярного модерна. В-третьих, постмодерн — это автономная, самозамкнутая историческая парадигма; абсолютно новый, «третий путь», равно альтернативный как традиции, так и модерну.

Четвертый параграф «Кризис проекта Просвещения и эсхатологические стратегии Современности» раскрывает понимание эсхатологических стратегий как важного конструктивистского инструментария, используемого человеком для регулирования и корректировки своего развития при прохождении социокультурной системой точек-периодов социальной энтропии, воспринимающихся как ситуации кризиса. Для выдвижения и обоснования своей гипотезы мы используем концепцию двух эсхатологических стратегий Д. Р. Яворского и классификацию интеллектуальных и идеологических позиций в зависимости от отношения к постмодерну, предложенную А. Г. Дугиным. В результате выявляется, что Современность (модерн, постмодерн и тенденции по возрождению традиции) нацелена на решение кризиса в рамках эсхатологической стратегии отсрочки прохождения через точку катастрофы, причем это одинаково справедливо как для «старых левых», ярким представителем которых считается Ю. Хабермас, так и для «новых левых», к числу которых принадлежит Ж. Деррида.

Вторая глава «Модерн и постмодерн в работах Юргена Хабермаса» посвящена тактике реализации Ю. Хабермасом эсхатологической стратегии отсрочки катастрофы, базирующейся на специфическом понимании философа «незавершенности» модерна, а также на разработанной им антикризисной программе под знаком обращения к практике коммуникации.

В первом параграфе «От парадигмы философии сознания к парадигме взаимопонимания: история развития и основные характеристики проекта модерна» рассматривается видение Ю. Хабермасом модерна как особого дискурса, духовного проекта, который не идентифицируется с каким-то конкретным историческим периодом, учением или интеллектуальным направлением. Ю. Хабермас определяет модерн как особый проект современности, характеризующийся рационализмом, секуляризацией, модернизацией и универсализмом. При этом присутствуют апология и своеобразная идеализация Ю. Хабермасом модерна: то, что было до сих пор (с последствиями в виде кризисного и даже тупикового состояния Современности), нельзя считать модерном, поскольку это его совершенно извращенная, провалившаяся версия, подменившая настоящие идеи и смыслы модерна. Таким образом, проект модерна «не завершен» (по причине фальстарта) и должен быть «перезагружен» под знаком парадигмы взаимопонимания.

Ю. Хабермас в полной мере является наследником и преемником гегельянской версии секуляризированной иудео-христианской традиции Всемирной истории; он воспринимает ее через интерпретации А. Кожева, М. Вебера, К. Маркса и философов Франкфуртской школы, дополняя элементами из философских систем Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Фуко и Н. Луманна. Эсхатологическая стратегия отсрочки реализуется Хабермасом через следующие тактические задачи: разработку альтернативной философии сознания парадигмы взаимопонимания с сохранением основных скрытых тенденций и интенций Просвещения; «пересмотр» предшествующей истории

идей с демонстрацией истоков концепции коммуникативного разума и доказательством некомпетентности и неэффективности других возможных вариантов «перезагрузки» модерна; моделирование применения получившейся теоретической модели коммуникативного разума для решения глобальных вызовов Современности с указанием пути выхода из кризиса (при соблюдении определенных идеологических и интеллектуальных интересов).

Во *втором параграфе «Двойственное представление Ю. Хабермаса о постмодерне»* мы раскрываем позицию Ю. Хабермаса по отношению к контрмодернистским, постмодернистским и антимодернистским течениям, интерпретируемым философом под знаком принадлежности к консерватизму: антимодернизм младоконсерваторов, предмодернизм староконсерваторов и постмодернизм неоконсерваторов. Младоконсерваторы (французские постструктуралисты от Ж. Батая через М. Фуко к Ж. Деррида) «выпали» из Современности, усвоив основной опыт эстетического модернизма — открытие децентрированной субъективности, освобожденной от всех ограничений, налагаемых познанием и целесообразной деятельностью, от всех императивов труда и полезности. Староконсерваторы (Х. Йонас, Р. Шпеман, Л. Штраус и др.) остаются не затронутыми последствиями эстетического модернизма и рекомендуют возвращение на предмодернистские позиции (неоаристотелизм), отстраненно наблюдая за происходящей автономизацией науки, морали и искусства. Неоконсерваторы (ранний Л. Витгенштейн, К. Шмитт на середине его пути и поздний Г. Бенн, а также Д. Белл и А. Гелен) занимают одобрительную позицию по отношению к научным и техническим достижениям модерна, способствующим ускорению прогресса, росту капитализма и рационализации управления, и сдержанно (или негативно) воспринимают последствия культурного модерна. Следует подчеркнуть, что Ю. Хабермас занимает противоречивую позицию в отношении того, что считается постмодерном и кто принадлежит к этому течению и выражает его взгляды. С одной стороны, он придерживается общепринятой традиции в определении постмодернистов (это французские постструктуралисты); с другой стороны, создает свою собственную независимую классификацию, объявляя постмодернистами американских и немецких неоконсерваторов.

Третий параграф «Теория коммуникативного разума как выход из системного кризиса» раскрывает механизм реализации Ю. Хабермасом эсхатологической стратегии отсрочки кризиса. Философ рассматривает системный кризис как отличительную характеристику капиталистической общественной формации и выделяет четыре этапа его развития: в экономике (экономический кризис), политике (кризис рациональности и кризис легитимации) и социокультурной сфере (кризис мотивации). Завет Ю. Хабермаса и антикризисное руководство к действию по отсрочиванию момента катастрофы заключаются в сохранении устоявшегося механизма сублимирования кризисной энергии через зафиксированные кризисные тенденции. Во-первых, от экономического кризиса (находящего свое выражение в борьбе труда и капитала, пролетариата и буржуазии) следует с помощью «государственной интервенции» в экономику переносить место

пересечения кризисных тенденций (и внимание общественности) к кризису рациональности или кризису легитимности (возникающим вследствие постоянного расширения государственных полномочий и перекладывания на государство негосударственных функций). Во-вторых, политический кризис необходимо вытеснить в сферу культуры и трансформировать в кризис мотивации, который Ю. Хабермас предлагает не решать, но «сгладить» или «замаскировать».

Система формальной демократии позволяет легитимировать принимаемые администрацией решения независимо от конкретных мотивов граждан и без их участия за счет управляемого общественного мнения (снижая ниже порога внимания общества значения острых и нежелательных тем, проблем и аргументов) и содержательно диффузной лояльности масс, оплачиваемой ожиданием системно-конформных компенсаций от государства всеобщего благоденствия. Таким образом, момент катастрофы вновь и вновь отодвигается во времени за счет достижения временного компромисса: привитая возникающему в качестве «амортизатора» гражданскому обществу и заменяющая собой невыгодный капиталистическому производству механизм социализации, теория коммуникативного действия позволяет подменить проблему мотивации универсальной, ненасильственной, но обязательной для всех процедурой принятия решения и достижения всеобщего консенсуса. Еще одной гарантией отсрочки системного кризиса и сохранения «просвещенческой» расстановки сил служит утопический проект космополитического общества И. Канта, по лекалам которого Ю. Хабермас и предлагает строить общество коммуникативное.

В четвертом параграфе «Фундаментализм и глобальный терроризм как угроза и стимул реализации кантовского проекта» представлен анализ социально-политических позиций Ю. Хабермаса по проблемам Современности: он рассматривает вызовы фундаментализма и глобального терроризма в качестве органичных продуктов эпохи Просвещения, порождений отторгаемой модернизации, реакций общества на влияние идеологии модерна и социальную дезинтеграцию. Выход из сложившейся ситуации видится в разработке и внедрении диалогического (коммуникативного) сознания; определении общих ценностей, способных воплотить миллениаристские ожидания всего человечества и послужить основанием «всемирного этоса». Содержание «общего морального минимума» Ю. Хабермас видит в продвижении либерального гуманизма, развитии гражданского общества и возвращении Европы на позиции мирового лидера. Таким образом, реализация предлагаемой Ю. Хабермасом эсхатологической стратегии отсрочки предполагает распространение европейской модели (проекта Просвещения) на мировое сообщество под знаком космополитического проекта И. Канта, т. е. тотальную и успешную «перезагрузку» модерна на более высоком уровне.

В третьей главе «Метафизика и судьба просвещенческого проекта в работах Жака Деррида» анализируется разработанная Ж. Деррида

антикризисная идеология. Его «постмодернистский» проект (в своей совокупности) рассматривается как проект ускользания, отсрочки точки катастрофы, откладывания решающего момента окончательного отождествления означающего и означаемого, реальности и прогнозов.

Первый параграф «Деконструкция, грамматология и другие проекты описания Современности» раскрывает понимание Ж. Деррида полной зависимости Современности от наследства просвещенческой эпохи в виде системного (и метафизического) кризиса: вопрос о том, как распорядиться этим наследством, остается открытым. По мнению Ж. Деррида, мы не хотим его признать, но не можем от него отказаться; поэтому остается лишь максимально отсрочивать принятие окончательного решения. Соответственно, Ж. Деррида предлагает различные подходы к осмыслению Современности (деконструкция, грамматология, эсхатология, фонологический центризм, Вавилонская башня и т. д.), не позволяющие заключить их в закрытую, завершенную картину. Например, Ж. Деррида и его философский проект занимают исключительно двойственную позицию по отношению к постструктурализму и постмодернизму: хотя сам Ж. Деррида не признает за собой принадлежность к этим направлениям и всячески отрицает использование данных терминов в своих работах, его философский проект (деконструкция) вполне отвечает внутренним постулатам постмодернизма и постструктурализма. Схожая ситуация складывается и в вопросах о закрытии метафизики и крахе проекта Просвещения: вопреки распространенному мнению, Ж. Деррида вовсе не ставит перед собой задачу «порвать» с метафизикой, но лишь предлагает иной, косвенный (не-логоцентристский) путь размышлений о ее ведущих проблемах и противоречиях; «перезагрузку» всей предшествовавшей традиции на основе письма и следа, деконструкции и различания как промедления и откладывания.

В рамках **второго параграфа «Истоки эсхатологической стратегии Ж. Деррида»** анализируются историко-философские корни эсхатологической стратегии отсрочки: Ж. Деррида признает себя наследником иудео-христианской, просвещенческой и неклассической философской традиции. Мы прослеживаем становление основных понятий антикризисной стратегии Ж. Деррида под влиянием идей иудаизма, Платона, апофатической теологии (А. Силезиуса), Ж.-Ж. Руссо, Гегеля, К. Маркса, Ф. Ницше, З. Фрейда, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Э. Левинаса, М. Фуко и К. Леви-Стросса.

Третий параграф «Эсхатологическая стратегия отсрочки: различание, тайна и не-ответ, хора, призракология» описывает тактические приемы и техники реализации антикризисной стратегии Ж. Деррида. Неографизм «difference», полученный путем «неслышимого сдвига», «тихой графической интервенции», используется для обозначения обещания, которое никогда не будет исполнено: темпоральный аспект различания (temporalisation) охватывает отсроченность, промедленность [прошлого], постоянное запаздывание [будущего], овременение; пространственный аспект (espacement) отсылает к отстраненности, смещению, разбивке, опространствлению, откладыванию.

Понятие тайны (*mystère*) для Ж. Деррида не обязательно связано с неким тайным, секретным содержанием, но имеет скорее «формальный», «условный» характер: тайна имеет место, существует, даже если никакой тайны нет, если она всем известна; в то же время тайна ускользает, несмотря на свидетельства ее наличия. Размышления о тайне выводят Ж. Деррида к «методологии косвенного пути», в частности к тактике не-ответа, позволяющей бесконечно откладывать момент принятия решения проблемы (кризиса), когда возможности ответить нет, а не отвечать совсем нельзя.

Оставляя без перевода платоновскую метафору хоры, Ж. Деррида стремится на время отложить определение, поскольку любые попытки адекватно и корректно назвать хору обречены на провал: слово *khôra* отсылает лишь к определенному месту из «Тимея» Платона, где оно присутствует, но его сущность еще не прояснена. Ж. Деррида подчеркивает: то, что мы именуем хорой, неназываемо, несводимо к своему имени, неухватываемо в своей сущности. Апеллируя к свойствам хоры (вневременность, анахроничность), Ж. Деррида пытается избежать самоуничтожения истории в ее эсхатологическом и телеологическом измерениях.

Этой же цели служит понятие «призракология» (*hantologie*), вводимое Ж. Деррида для обозначения логики призрачности, позволяющей раскрыть «предназначение» человека: научиться жить лишь в промежутке между жизнью и смертью. Фигура призрака складывается в рамках дискурса о времени, справедливости, коммуникации, ответственности, не-присутствия, следа; предстает странным синтезом драматической патетики В. Шекспира, метафизической этики Другого Э. Левинаса, психоаналитического анализа Эдипова комплекса и революционного настроения коммунизма. Эсхатологическая стратегия отсрочки разворачивается в рамках анахронического «эффекта забрала» (видеть самому, оставаясь невидимым) и понимания истории как серии неконтролируемых периодических ожиданий, появлений, исчезновений и ожиданий новых появлений призраков.

В **четвертом параграфе «“Новый Интернационал” и другие социально-политические продукты деконструкции»** рассмотрены поздние социально-политические взгляды Ж. Деррида на Современность как эпоху нового мирового (бес)порядка, гегемонию призраков (К. Маркса) и господство заклинающих марксизм дискурсов неокapитализма и неолиберализма. Ж. Деррида выделяет десять «язв» «нового мирового порядка» и отмечает, что отсылающие к мессианизму, эсхатологии и отсрочке фундаментализм, терроризм и переучет национального наследия оказываются результатом интенсификации процессов глобализации. Выход из системного кризиса Современности Ж. Деррида видит в создании отсылающего к кантианскому космополитическому обществу и нацеленного на улучшение механизмов международного права (по устранению насилия и неравенства) «нового Интернационала» — особого союза ответственных наследников К. Маркса, марксизма и нового мессианского обетования, работающих во имя нового Просвещения. Это доказывает стремление Ж. Деррида придерживаться эсхатологической стратегии отсрочки и лишь выиграть время, замедлив

вырождение логоцентризма и разрушение оснований западного миропонимания и образа жизни, что ставит под вопрос «революционный» и «инновационный» характер философии Ж. Деррида.

В **заключении** делается вывод о том, что проект «незавершенного модерна» и теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и «постмодернистские» проекты деконструкции, грамматиологии, различания и др. Ж. Деррида являются разными тактиками по реализации единой эсхатологической стратегии отсрочки, или избегания прохождения через точку катастрофы во время кризиса; намечены перспективы дальнейшего развития темы.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:

1. Семашко И.М. Терроризм как побочный эффект модернизации в концепции модерна Юргена Хабермаса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2010. — № 1 (11). — С. 93—98 (0,55 п.л.).

2. Семашко И.М. Современный исламский фундаментализм: «la Revanche de Dieu» и/или альтернативный проект глобализации? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2011. — № 1 (13). — С.101—105 (0,5 п.л.).

Публикации в других изданиях

3. Семашко И.М. Финализм в философии культуры и философии истории в постмодернизме // Философские и социальные науки. Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. — С. 93—96 (0,2 п.л.).

4. Семашко И.М. Проблема человека в философии науки и техники Юргена Хабермаса // Философские и социальные науки. Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. — С. 44—49 (0,23 п.л.).

5. Семашко И.М. «Модерн»/«Постмодерн»: история контroversы в работах Юргена Хабермаса и Жана-Франсуа Лиотара // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. Вып. 8. В 2 частях. — 2010. — № 1 (11). — Часть 1.— С. 56—64 (0,85 п.л.).

6. Семашко И.М. Коллективная память и современная история // Региональная гражданская активность и фактор коллективной памяти в перспективе устойчивого развития. Практикум когнитивного моделирования : учебно-методическое пособие для междисциплинарного высокотехнологичного студенческого коллоквиума. — Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. — С. 112—121 (0,55 п.л.).

7. Семашко И.М. Проект модерна и современность (о критике философии Гегеля в работах Ю. Хабермаса) // Философские науки и Культурология. Исторические науки. Вып.3. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. — С. 14—20 (0,3 п.л.).

8. Семашко И.М. «Глобальный терроризм» как новая эпоха модерна // Проблемы модернизации региона в исследованиях молодых ученых. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2010. — С.14—19 (0,2 п.л.).

9. Семашко И.М. Глобальный терроризм у Юргена Хабермаса и современные реалии // Философские и социальные науки. Вып. 2. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. — С.51—56 (0,21 п.л.).

10. Семашко И.М. Глобальный терроризм как побочный эффект глобализации в рамках полицивилизационного подхода С. Хантингтона // Межкультурные коммуникации и идеология миротворчества. — Тюмень: РИЦ ТГАКИСТ, 2010. — С.43—50 (0,33 п.л.).

11. Семашко И.М. Глобальный терроризм и современные реалии // Социальная онтология в структурах теоретического знания — Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. — С.146—150 (0,25 п.л.).